

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ П. БУРДЬЕ

Автор: Л. ВАКАН

ВАКАН Лоик - профессор социологии университета Беркли (штат Калифорния, США), сотрудник одного из парижских исследовательских центров.

Из всех научных работ Пьера Бурдьё "*Государственная знать*", наверное, - самая значимая и парадоксальная. Именно по этим причинам она, наверное, введет в замешательство, если не в тупик, многих зарубежных читателей. Она жестко франкоцентрична в своих эмпирических основах и в то же время универсалистская по аналитическому замыслу, обладает теоретическим богатством, ставящим ее в эпицентр современных дебатов о власти, культуре и разуме.

Еще больше, чем в "*Различении*", на котором рассматриваемый труд построен и который он продолжает по ряду направлений [1], в нем исследуются логика социального доминирования в развитом обществе, механизмы, которыми оно себя камуфлирует и увековечивает. Он глубоко проникает в специфику французской системы классов, культуры и образования двадцати лет после восстания мая 1968 г. В то же время в "*Государственной знати*", как во всяком хорошем этнологическом отчете, согласно Марселю Моссу, именно "то, что может казаться ненужной деталью, фактически является сгустком принципов" [2, р. 7].

Один из таких принципов - неудобные, но упрямые связи столкновений и сговоров, автономии и общности, самостоятельности и зависимости между *материальной и символической властью*. Как точно подметил Вебер, в каждой структуре господства "привилегированные благодаря наличным политическим, социальным и экономическим порядкам" никогда не довольствуются неприкрытым исполнением своей власти и голым навязыванием своих привилегий. Они скорее хотели бы "видеть свое положение преобразованным из фактических отношений чистой власти в упорядоченную систему приобретенных прав, хотели бы знать, что этим они освящены" [3]. В феодальном обществе церковь является институтом, которому доверено преобразование власти господина, фактически основанной на контроле над оружием, землей и богатством, в божественное право; духовная власть использовалась для оправдания и упрочения власти нового класса воинов. В сложных обществах, порожденных поздним капитализмом, утверждает Бурдьё, школа берет на себя этот труд - освящение социальных перегородок. Сегодня *не одна, а две разновидности капитала* - капитал экономический и капитал культурный - дают доступ к позициям власти, определяют структуру социального пространства и управляют жизненными шансами и траекториями групп и индивидов.

Вузовские дипломы - эти "верительные грамоты"¹ помогают определять современный общественный строй, в средневековом смысле слова *ордо*, как набор различий

От переводчика: Данный текст - предисловие к книге П. Бурдьё "*Государственная знать*" (1989 г.), вышедшей в Великобритании в 1997 г., написанное единомышленником автора.

¹ Использован термин, который американский социолог Р. Коллинз применил к престижным вузовским дипломам. *Collins R. The Credential Society. An Historical Sociology of Education and Stratification NY SF L. Academic Press 1979.* (Здесь и далее подстрочные примечания сделаны переводчиком).

- временных и вечных, мирских и небесных, дающих несопоставимые степени благ женщинам и мужчинам не только путем размещения по разным позициям, которые и создают социальную структуру, но также, что еще важнее, изображая существующие неравенства между ними как неизбежные необходимости, порожденные талантом, настойчивостью и желаниями индивидов. Именно поэтому культурный капитал, хотя его накапливает и передает в основном семья, выглядит качеством личности его носителя. Тот факт, что он "позволяет сочетать престиж прирожденной собственности с заслугами достижения" [4, р. 245], делает его уникально пригодным для легитимации сохраняющегося наследования социальных привилегий в обществах, олицетворяющих идеалы демократии.

И не случайно объектом анализа Бурдьё становится *эффект социальной алхимии*. Посредством ее некая социальная иерархия лицемерно представляет себя тем, кого она возвышает, в не меньшей мере, чем тем, кого она подвергает эксклюзии, шкалой человеческого совершенства. Исторически случайный социальный порядок, коренящийся в материальности экономической и политической власти, преобразует себя в нечто, предьявляющее все внешние атрибуты благородства и ума. Под таким углом зрения, получение элитного диплома является не столько "ритуалом допуска", по Ван Геннепу², сколько *ритуалом института* [5, р. 117 - 127]: оно не столько отделяет "прежде" от "потом", сколько поднимает вверх тех, кому назначено занимать видные общественные позиции, и отделяет их от тех, кем они будут править. Оно будит почитание и освящение в самом прямом смысле слова, то есть делает их священными (всем, кто видел церемонию вручения дипломов в крупных университетах Британии или США, не могло не броситься в глаза архаичное религиозное ощущение, которое восхитило бы Робертсона Смита³).

II

Марк Блок в свое время усматривал в "распространении практики церемонии производства в рыцари" средневековый "симптом глубокой трансформации понятия рыцарства" [6, р. 437]. Бурдьё тоже утверждает, что распространение образовательных титулов, как предпосылка восхождения на вершины частных корпораций и государственных бюрократий, означает консолидацию *нового способа доминирования* и соответствующую трансформацию системы стратегий, посредством которых правящий класс сохраняет и маскирует себя, но ценой быстрой, непрерывной метаморфозы.

В феодальном обществе отношения между преходящими и духовными полюсами власти приняли форму относительно простой дуальной, но взаимодополняющей оппозиции воинов и священников, военной и церковной властей, носителей меча и носителей Слова. С учреждением формально рационального государства и ростом значимости "второго капитала" (оба капитала по гипотезе Бурдьё - взаимосвязанные исторические изобретения) антагонистичную пару заменила невероятно сложная сеть перекрещивающихся связей множества полей, в которых отныне разные формы социальной власти реально циркулируют и сосредоточиваются. Сеть взаимозависимостей, соединившая их в особую общность, Бурдьё называет *полем власти* (понятие введено в начале 1970-х, но впервые разработано в рассматриваемой работе и теоретически, и эмпирически). Эта сеть простирается от экономического поля на одном конце до поля культурного производства, на другом [7]. Промышленник и художник XIX в., менеджер и интеллектуал XX-го века во Франции персонифицируют доминирующий и доминируемый полюса *поля власти*. Между ними в симметричном и обратном порядке в зависимости от сравнительного преобладания, который они обеспечивают экономическому или культурному капиталу, выстроены поля политики, высшей государственной службы, свободных профессий и университетов.

По мере диверсификации видов капитала и умножения автономных полей (эти две посылки для Бурдьё - равнозначные концептуальные обозначения единой эпохальной

² Ван Геннеп Арнольд (1873 - 1957) - немецкий этнограф и фольклорист, автор книги (1909 г.) "Ритуалы допуска".

³ Робертсон Смит Уильям (1846 - 1894) - шотландский востоковед, знаток Ветхого Завета, главный редактор "Энциклопедии Британика".

тенденции, поскольку капитал и поле взаимно определяют и уточняют друг друга), по мере того, как более очевидная "механическая солидарность" слабо дифференцированных и взаимозаменяемых сил уступает место усложненной "органической солидарности" вполне разделившихся и несопоставимых форм капитала, - растут напряженности, грозя вылиться в столкновения. Ибо то, что разнообразные формы капитала отныне создали формулу доминирования, означает необходимость считаться с различными принципами социального первенства и легитимности, примирять их. Ставкой в этой борьбе среди доминирующих (ее часто ошибочно принимают за конфронтацию правящих и подчиненных классов) является относительная ценность и мощь соперничающих видов капитала, в частности, устанавливаемые "обменным курсом" валют экономики и культуры.

Именно здесь и нужно рассмотреть *систему* элитных учреждений высшего образования. В обществах, характеризующихся присутствием и соперничеством разных форм власти, во все большей мере полагающихся на конвертирование в "верительные грамоты" как средство увековечить себя, эта система не только гарантирует предпочтительный и быстрый допуск к командным позициям сыновьям предков, их уже монополизировавших (полная принадлежность к знати, особенно по крови или дипломам, в сущности, прерогатива мужчин). Высокая степень автономности и внутренней дифференциации такой системы, соответствующая антиномии между деньгами и культурой, организующей все поле власти, - обеспечивает ей также "разминирование" нарождающихся конфликтов путем признания и вознаграждения претензий на научные и социальные отличия.

"Интеллектуальные школы", такие как "Высшая нормальная школа", - питомник верхнего слоя французской интеллигенции; и Бурдьё - один из их выдающихся питомцев. Они привлекают в основном студентов, которые наиболее сильно тянутся в эти школы, так как, прежде всего, их наклонности воплощают тот вид капитала, который эти школы требуют от детей из культурной части буржуазии. В этот слой они и возвращаются. Учреждения, призванные готовить капитанов промышленности и государства, такие как "Школа высших коммерческих исследований" и "Политехническая школа", - это, прежде всего, заповедник студентов, вышедших из экономически богатой части высшего слоя буржуазии Франции. Между этими двумя полюсами пространства элитных школ Франции находится "Национальная школа администрации", из которой градом сыплются члены кабинета и высшие госслужащие. Она смешивает два вида компетентности - культурную и экономическую, рекрутируя студентов, семейное наследство которых обычно сочетает редкие "верительные грамоты" и старое богатство.

Обеспечивая отдельные пути передачи привилегий и признавая соперничающие, даже антагонистические, притязания на превосходство в рамках своего ордена, поле элитных школ изолирует и успокаивает разные категории наследников власти, обеспечивая лучше, чем какой-либо иной способ, мир с подчиненными (*pace dominorum*), - неотъемлемую часть дележа добычи гегемонами. Поэтому не отдельные учреждения, а все поле (то есть, пространство объективных отношений), образованное ими, обеспечивает именно то самое поле (*qua field*) воспроизводства меняющейся матрицы смоделированных различий и расстояний, формирующих социальный строй. Непосредственным, конкретным объектом труда "*Государственная знать*" стали структура и функционирование самого верхнего эшелона французской системы высшего образования, его связи с буржуазией, с верхушкой корпораций страны. Его глубинной теоретической целью является разработка, - наряду с эмпирической демонстрацией одной из ее исторических версий, - модели общественного разделения труда в сфере господства, применяемой в передовых обществах, где разнообразные формы власти сосуществуют и соперничают за верховенство.

III

Предельная централизация и высокая социальная селективность, коренящиеся в долговременных связях между разными классами, в государственном строительстве и образовании, а также в разделении университетов и "Гранд школ", готовность, с которой освящается мирской (то есть, буржуазный) культурный багаж, и вытекающая отсюда жесткость - все это делает систему образования во Франции подходящей терри-

торией для раскрытия неочевидной связи науки с классами общества и двуликой связи обоих полюсов поля власти посредством молчаливого согласия/конфликта. Специфика эмпирического материала не должна отвлекать от более широкой применимости аналитической рамки, использованной для его обработки. Правильно понятая, "*Государственная знать*" дает системную программу исследования любого национального поля власти, конечно, если американский (британский, японский, бразильский и т.д.) читатель попытается создать, путем аналогичных суждений, организованный набор гипотез для компаративного исследования в собственной стране [8].

Бурдые утверждает, что организация современного правящего класса, опыт исторического состояния разделения труда между материальным (экономическим) и символическим (культурным) капиталом [9], его наложение на поле элитных школ, разъединяющее и переплетающее обоих, - характерно для всех передовых обществ. Но эта скрытая структура противостояния принимает феноменально различные формы в разных странах в зависимости от ряда пересекающихся факторов, включая историческую траекторию формирования (высшего) класса, структур государства и контуров системы образования в обществе в изучаемое время. И Бурдые предполагает, что рост "нового капитала" везде превращается в сдвиг способов воспроизводства от *прямого*, когда власть передается, по сути - в рамках семьи, через экономическую собственность, к опосредованному школой воспроизводству, где наследование привилегий одновременно осуществляется и преобразуется благодаря пересечению с институтами образования. Но, опять-таки, все правящие классы прибегают к обоим способам одновременно. Бурдые взял на себя труд показать, что рост *относительного* веса культурного капитала никоим образом не отменяет способности экономического капитала автоматически расширяться. И частичное предпочтение одного или другого будет зависеть от системы инструментов воспроизводства и от конкретного баланса власти между разными фракциями, связанными с тем или иным способом передачи капитала.

Отсюда следует ошибочный - Альфред Норт Уайтхед⁴ говорил об "ошибке неверной конкретности" [10, p. 52] - поиск полного соответствия друг другу вне национальных границ институтов, которым доверено увековечение сети властных позиций в разных обществах (к примеру, нет смысла искать точный американский или английский аналог "Национальной школы администрации", поскольку такового нет). Скорее нужно в каждом конкретном случае заняться *эмпирическим* открытием конкретных конфигураций, структурирующих социальное пространство, систему образования и поле власти, а также их взаимосвязи.

Структура пространства элитного образования во Франции строится на резком горизонтальном дуализме "Гранд школ" (избранных постдипломных школ с особыми подготовительными классами, общенациональными конкурсными вступительными экзаменами и прямым доступом к высокопоставленным рабочим местам) и университетов (массовых институций, открытых всем, кто закончил среднюю школу, и лишь поверхностно связанных с миром профессионального труда), а в рамках самих "Гранд школ" - между, по одной горизонтали - большими и малыми школами и, по другой, - учреждениями, как ориентированными на интеллектуальные ценности, так и готовящими к работе в экономической и политической сферах.

В децентрализованной же американской системе образования эта дуальность выражена рядом разновидностей устойчивой оппозиции, - и вертикальной, и горизонтальной - между: частными и общественными школами (начиная с уровня средней школы); муниципальными колледжами и четырехлетними университетами; массой третичных образовательных институтов и горсткой элитных учреждений (оплотом их является Лига Плюща⁵), которые присваивают львиную долю командных постов в частной и общественной сферах [11]. Благодаря глубоко укорененному историей преобладанию экономического капитала над культурным, оппозиция двух полюсов власти с соответствующими фракциями господствующего класса Америки не реализуется в соперничестве тенденций или школ. Вместо этого она проектируется *во внутрь*

⁴ Норт Уайтхед Альфред (1861 - 1947) - британский математик и философ.

⁵ Лига Плюща - обозначение группы старых и престижных университетов на восточном побережье США.

каждого элитного университета, в противостояние и напряженные отношения между постдипломными отделениями искусств и науки, с одной стороны, и профессиональными школами (особенно права, медицины и бизнеса) - с другой, а также в антиподных отношениях названных отделений с теми или иными властями.

Но при указанных различиях плотно интегрированная сеть университетов Лиги Плюща и частных школ-интернатов функционирует как закрытый, хотя и частично, аналог французской системы "*Гранд школ*" с примыкающими к ним *подготовительными классами*. Поскольку "даже простое утверждение, что элитные школы существуют, противоречит природе Америки" [12], не будет лишним напомнить, насколько эксклюзивны - во всех смыслах - последние. Достаточно отметить, что практически все выпускники лучших школ-интернатов США (1% от численности учеников средних школ страны) поступают в колледжи, против 76% учеников католических и других частных школ и 45% всех старшеклассников муниципальных школ. Эти супер-привилегированные ученики, из которых девять из десяти - дети лиц свободных профессий и менеджеров в бизнесе (две трети их отцов и треть матерей учились в аспирантуре или постдипломных вузах), также с гораздо большей вероятностью приземлятся в самых дорогих университетских городках даже при контроле за показателями способности учиться. В 1982 г. почти половина учеников "подготовительных школ" подали заявления в заведения Лиги Плюща и 42% из них поступили - против 26% кандидатов по стране, - хотя последние рекрутировались из лучших 4% всех школ страны, - благодаря тесным организационным связям и активным каналам рекрутирования школ-интернатов и высокостатусных частных колледжей [13].

В 1984 г. лишь тринадцать элитных школ-интернатов подготовили 10% членов наблюдательных советов крупных компаний США и почти пятую часть директоров крупных фирм. Сочетание эксклюзивных университетских дипломов с принадлежностью к высшему классу умножает вероятность вхождения во "внутренний круг" власти корпораций. Среди старших менеджеров обладание престижными образовательными "верительными грамотами" дополняется происхождением из высшего класса, решая, кто будет руководить компанией, входить в директораты других фирм, руководить крупными ассоциациями в бизнесе. И так же, как во Франции дипломы, подтверждающие "общую бюрократическую культуру", демонстрируют тенденцию заслонять свидетельства профессионального мастерства, в США высокая научная степень в области права, степень бакалавра лучшего частного колледжа увеличивает шансы менеджера достигнуть вершин ответственности в корпоративном мире в большей мере, нежели степень, полученная в рамках общей программы "мастер бизнес администрации" [14].

Выходцы из элитных школ-интернатов и университетов, члены зажиточных семей, перечисленных в "Social register", также в массе своей сверх-представлены в верхних эшелонах американского государства (правительство, правосудие, правительственные консультативные органы), в политическом персонале, дорогих юридических фирмах, благотворительных организациях и искусстве [15]. А те, кто после испытания подготовительными школами оказался у горнила власти в Бостоне, Вашингтоне или Лос-Анджелесе, обязаны школам своими позициями и прерогативам не меньше, чем их коллеги с улицы Сент-Гийом в Париже.

IV

Если отделить эмпирические данные от общей теоретической модели, содержащейся в "*Государственной знати*", возникает возможность сравнительной, генетической и структурной социологии национальных полей власти. Она позволит составить перечень действенных форм капитала для каждого общества, уточнить социальные и исторические детерминанты степени их дифференциации, дистанции и антагонизмы, а также оценить роль системы элитных школ (или функционально эквивалентных институций) в регулировании отношений между ними.

Такое исследование, несомненно, подтвердит большую непрозрачность опосредованного школой способа воспроизводства. И тогда ее большая способность скрывать увековечение власти покажет ее реальную цену. Во-первых, становится все дороже быть наследником: элитные школы, как правило, везде подвергают учеников жесткому распорядку работы, спартанским стилям жизни, практикам интеллектуального и

социального смирения, что требует значимых личных жертв. Во-вторых, стохастическая логика, которая сейчас правит передачей привилегий, такова, что даже пользуясь всеми преимуществами на старте, не каждому сыну главы компании, хирурга или ученого обеспечено достижение сравнительно видной социальной позиции на финише гонки [16]. *Конкретное противоречие* опосредуемого школой способа воспроизводства как раз и выражено в создаваемом разобщении коллективного интереса класса, обеспечиваемого элитной школой, и интересом его отдельного члена, которым он неизбежно должен расплачиваться.

Бурдьё предполагает, что (ограниченная) нисходящая мобильность какой-то части молодежи верхнего класса и поперечные "девиантные траектории", приводящие некоторых из них с одного полюса власти на другой, - например, отпрыск культурной части буржуазии перемещается на ответственный пост в корпорации, в политике - это мощные источники перемен в поле власти, а также серьезные союзники "новых социальных движений", расцветших в век всеобщего соперничества ученых. Во всяком случае, при таком режиме не все наследники способны и желают взваливать на себя тяготы наследования.

Это значит, что поколенческая социология разнообразных форм власти не может ограничиться рисунком объективистской топологии распределителей капитала. Она должна вобрать в себя "специальную психологию", которую Дюркгейм упомянул, но так и не раскрыл [17]. То есть, она должна полностью отдавать себе отчет в социальном генезисе и реализации категорий мысли и действия, которыми участники разных изучаемых социальных миров воспринимают и актуализируют (или нет) потенциалы, которыми обладают. Для Бурдьё такое анатомирование практического познания индивидов обязательно, так как социальные стратегии никогда не определяются односторонне объективными ограничениями структуры, - не более чем они ограничены субъективными намерениями агента. Скорее, практика порождается в обоюдном воздействии позиции и диспозиции то в гармоничной, то в диссонансирующей встрече между "социальными структурами и ментальными структурами", между историей, "объективированной" в форме этой социально моделированной матрицы предпочтений, и пристрастиями, составляющими габитус [18].

Вот почему *"Государственную знать"* открывает анализ практических таксономии и действий, посредством которых учителя и ученики вместе производят повседневную реальность французских элитных школ в качестве значимого жизненного мира (Lebenswelt). В первой части ("Ложное признание и символическое насилие") Бурдьё показывает нам мышление профессора философии "Вышей нормальной школы"; мы понимаем, как он думает, участвует и судит. Поэтому нам понятна изнутри фактическая очевидность неразрывной, но всегда отрицаемой связи успехов ученого с классовостью. Вторая часть ("Рукоположение") реконструирует с мельчайшими подробностями и пафосом квази-магические операции разделения и соединения, путем которых научная знать объединяется душой и телом, преисполненная предельной уверенности в справедливости своей общественной миссии. Основательная переделка личности входит в изготовление габитуса доминирования и раскрывает то, как власть исподволь формирует умы и желания изнутри, не меньше, чем путем "грубого принуждения" внешними материальными условиями.

Как показывает Бурдьё, доминирование возникает через *конкретные отношения и присущие сознанию согласия (fit) между структурой и агентом*, возникающего, когда индивиды конструируют социальный мир на принципах *видения*, вытекающих из этого же мира, построенных согласно его объективному *делению*. То есть, он утверждает, что социальные агенты полностью детерминированы и полностью поддаются детерминации (тем самым, снимая схоластическую альтернативу структуры и агентства).

Перефразируя Маркса, можно сказать, что у Бурдьё мужчины и женщины делают собственную историю, но не категориями собственного выбора. Мы тоже можем сказать, не впадая в идеализм, что социальный строй, в своей основе, - строй гносеологический, если мы также признаем, что познавательные схемы, посредством которых мы осознаем, интерпретируем свой мир, - сами по себе есть социальные конструкторы, которые отражают внутри индивидов ограничения и возможности среды их возникновения.

V

Но не загадочен ли факт, что официальные структуры, политика и персонал государства - главное для большинства социологов политики - едва заметны в этой книге. Намеренное удаление их драматизирует один из ключевых аргументов Бурдьё: государство не обязательно находится там, где мы его ищем (то есть, там, где оно молча указывает нам, куда смотреть и где искать), или, точнее, что его влияние и успех могут быть самыми сильными как раз там, где и когда мы того не ждем и не подозреваем [19].

Для Бурдьё отличительное свойство государства как организации, рожденной и оснащенной для сосредоточения власти (-ей), не там, куда, как правило, его помещают материалистические теории от Макса Вебера до Норберта Элиаса и Чарльза Тилли. Мы все еще слишком держимся за взгляды (восемнадцатого века) на государство как "сборщика налогов и вербовщика в армию", когда видим в нем агентство, успешно монополизирующее легитимное физическое насилие и забывающее заметить, что оно также, что много важнее, монополизирует легитимное *символическое* насилие [20].

Государство, показывает Бурдьё, прежде всего "центральный банк символического кредита", поддерживающий все акты *номинации*: назначение и провозглашение социальных перегородок и фигур, то есть, провозглашение универсально значимого для компетенции данной территории и населения. И научные титулы - парадигмальное проявление "государственной магии": изготовление социальных идентичностей и судеб в форме документов, смешение социальной и технической компетенции, превращение непомерных привилегий в оправданное должное.

Насилие государства поэтому осуществляется не только и не главным образом по отношению к подчиненным, ненормальным, больным, к преступникам. *Оно влияет на всех* нас мириадами мельчайших и невидимых способов всякий раз, когда мы понимаем и строим социальный мир посредством категорий, вложенных в нас через наше образование. Государство не только "вон там" в форме бюрократий, властей, церемоний. Оно также "здесь", неизгладимо выгравированное в нас, заложенное в глубины нашего бытия, в общие манеры нашего чувствования, мышления, суждения. Не армия, психиатрическая лечебница, больница, тюрьма, а *школа* - вот самый мощный проводник и слуга государства.

Дюркгейм был прав, когда, как хороший кантианец, описывал государство как "социальный мозг", жизненная функция которого "думать", "особый орган разработки четких представлений о коллективности" [21, р. 89, 87]. Но эти репрезентации, настаивает Бурдьё, отражают *классово разделенное общество*, а не единый гармоничный социальный организм; их принятие - продукт скрытого навязывания, а не стихийного согласия. В отличие от тотемных мифов, "научные формы классификации", обеспечивающие базу логической интеграции передовых национальных государств, суть классовые идеологии, служащие конкретным интересам, одновременно изображая их универсальными. Инструменты знания и конструирования социальной реальности распространяются и насаждаются школой. Они неизбежно становятся инструментами символического насилия. И созданная таким образом верительными грамотами знать обязана верностью, которую мы ей оказываем в двойном качестве подчинения и веры, тому факту, что "рамки интерпретации", которые государство выковывает и навязывает нам через школу, являются, по выражению К. Берка, многочисленными "рамками согласия" [22]. Мы мягко впряжены в ярмо, которого даже не замечаем.

VI

Давая, во-первых, анатомию производства нового капитала и, во-вторых, анализ социальных последствий его циркуляции в разных полях, выполняющих труд доминирования, "*Государственная знать*" раскрывает социологию образования Бурдьё такой, какая она есть и какой была изначально. Это антропология генерирования *власти*, сфокусированная на конкретном вкладе символических форм в ее действие, преобразования и натурализацию. На фоне концентрации внимания триумвирата классиков и основателей социологии на религии как опиуме, моральном цементе и божественности нарождавшегося капиталистического модерна, пристальный интерес Бурдьё к школе - результат роли, которую он отводит ей как гаранту современного общественного строя. Посредством государственной магии, освящая социальные гра-

ницы, школа вписывает их одновременно в объективность материального распределения и в субъективность познавательных классификаций.

Предупреждение Вебера, что "патенты образования создадут привилегированную "касту"", оказалось предвидением. Технократы, руководящие сегодня капиталистическими фирмами и правительственными офисами, распоряжаются арсеналом невиданных в истории полномочий и титулов: собственности, образования, наследования. Им не надо выбирать между рождением и заслугами, аскрипцией и достижительностью, наследством и усилиями, аурой традиции и эффективностью модерна, - они могут распорядиться всем этим. И все же трезвый диагноз Бурдьё о пришествии государственной знати не обрекает нас на цинизм и пассивность или на ложный радикализм любителей порассуждать о "политике культуры". Ибо относительная автономность, которой по необходимости должна пользоваться символическая власть для выполнения своей легитимирующей функции, всегда влечет за собой возможность перенаправить ее на службу целей иных, нежели воспроизводство. Это особенно верно, когда "цепь легитимации" удлиняется и путается и когда доминирование осуществляется от имени разума, универсализма и общего блага.

Разум, утверждает Бурдьё, доводя историцистский рационализм до предела, это и не ницшеанский трюк иллюзиониста, подпитываемый "волей к власти", и не инвариант антропологии, коренящийся в имманентной структуре человеческой коммуникации (Хабермас). Это мощное, хотя и хрупкое *историческое изобретение*, рожденное умножением таких социальных микрокосмов как поля знания, искусства, права, политики, где ценности можно реализовать, пусть и не до совершенства [23]. И то, что все больше сторонников игры в доминирование считают нужным придумывать рациональные небывлицы для оправдания своих действий, повышает шансы того, что они, парадоксально, содействуют вопреки своим намерениям поступательному движению разума.

Играть с универсализмом - значит играть с огнем. И коллективная роль интеллектуалов как носителей "корпоративности универсального" заключена в том, чтобы заставить мирскую власть соответствовать именно тем нормам разума (навязывая их друг другу), к которым они взывают, пусть и лицемерно. Это ставит науку - а социальную науку в особенности - в эпицентр противоборств нашего века. И чем больше на науку ссылаются доминирующие, оправдывая свою власть, тем жизненней для доминируемых возможность пользоваться ее результатами и инструментами. Таковы политическое значение и цель "*Государственной знати*": внести вклад в рациональное знание доминирования, которое, вопреки заезженным сетованиям пророков постмодерна, остается нашим лучшим оружием против рационализации доминирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Trans. Richard Nice, Cambridge: Harvard University Press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1984 (первое изд. 1979).
2. Mauss M. Manuel d'ethnographie. P.: Bibliotheque Payot, 3rd ed. 1989 (первое изд. 1947).
3. Weber M. Essays in Sociology. Ed. by H. Gerth, C. -Wright Mills. Oxford: Oxford University Press, 1946.
4. Bourdieu P. Forms of Capital // John G. Richardson (ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y.: Greenwood Press, 1986. Эта статья сжато излагает общую теорию капитала Бурдьё, включая базовые формы последнего, их соответственные свойства и механизмы контроля, специфику культурного капитала.
5. Bourdieu P. Rites of institution // Language and Symbolic Power (trans. Peter Collier, Cambridge: Polity Press; Cambridge: Harvard University Press, 1990 (первое изд. 1982).
6. Bloch M. La societe feodale. P.: Albin Michel, 1968 (первое изд. 1930).
7. Bourdieu P. Champ du pouvoir, champ intellectuel et habitus de classe // Scolies. 1971. V. 1. P. 7 - 26; более общее понимание поля (*champ*) синтетически обсуждено в: *его же*. Some Properties of Fields // Sociology in Question (trans. R. Nice. L., Newbury Park: Sage Publications, 1993 - первое изд. 1980); дальнейшая разработка и примеры см.: *его же*. The Field of Cultural Production (trans. Peter Collier, Cambridge: Polity Press; N.Y.: Columbia University Press, 1993).
8. Важное обсуждение соблазнов идеографической редукции в отношении анализа Бурдьё поля университетов Франции см.: Wacquant L. Sociology as Socio-Analysis: Tales of "Homo Academicus" // Sociological Forum. 1990. V. 5. Winter. P. 677 - 689.

9. История становления оппозиции "деньги - искусство" во Франции XIX в. прослежена в: *Bourdieu P.* Les regies de l'art. Genese et structure du champ litteraire. P.: Editions du Seuil, 1992.
10. *Whitehead A.N.* Science and the Modern World. N. Y.: New American Library, 1948 (первое изд. 1925).
11. См. о пропасти между ними: *Katznelson I., Weir M.* Schooling for All: Race, Class, and the Decline of the Democratic Ideal (N. Y., 1987), особ. pp. 208 - 221; *Barbara F., Heyns B.* The College Channel: Private and Public Schools Reconsidered // *Sociology of Education*. 1984. V. 57. April, pp. 111 - 122; *Cookson P.W., Jr., Persell C.M.* Preparing for Power: America's Elite Boarding Schools (N. Y.: Basic Books, 1985); *Brint S., Karabel J.* The Diverted Dream: Community Colleges and the Promise of Educational Opportunity in America, 1950 - 1985 (N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989); *Powell W.K., Lewis L.S.* (eds.). High Status Track: Studies of Elite Schools and Stratification. Albany: State University of New York Press, 1990.
12. *Cookson P.W., Persell C.M.* Preparing for Power. P. 15. Приводимые цифры взяты из третьей главы этой работы.
13. *Persell C. M., Cookson P.W. Jr.* Chartering and Bartering: Elite Education and Social Reproduction // *Social Problems*. 1985. V. 33. December. P. 114 - 129.
14. *Useem M.J., Karabel J.* Educational Pathways to Top Corporate Management // *Am. Sociological Review*. 1986. V. 51. April. P. 184 - 200.
15. *Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. N. Y.: Oxford University Press, 1984; *Cookson P., Persell C.* Preparing for Power, pp. 198 - 202; *Schwartz M.* (ed.), The Structure of Power in America: The Corporate Elite as Ruling Class. N. Y.: Holmes and Meier, 1987; *Marcus G.E.* Lives in Trust: The Fortunes of Dynastic Families in Late 20th-century America. Boulder: West-view Press, 1991; *Domhoff G. William.* The Power Elite and the State. N. Y., Berlin: Aldine, 1993; *Levine S.B.* The Rise of American Boarding Schools and the Development of a National Upper Class // *Social Problems*. 1980. V. 28. April. P. 63 - 94. См. историю вопроса: *Baltzell E. Digby.* Philadelphia Gentlemen: The Making of a National Upper Class. New Brunswick: Transaction Press, 1989 (первое изд. 1958). Следует также отметить, что реально поле власти Америки благодаря образованию остается ограниченным белой кастой. Ср.: *Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W.* Blacks in the White Establishment? A Study of Race and Class in America. New Haven: Yale University Press, 1991.
16. *Cookson* и *Persell* подчеркивают, что "контакт между пребыванием в школе-интернате и допуском в элитные круги" далек от совершенства (*Preparing for Power*. P. 204ff), указывая, что дети из правящего класса Америки все чаще не хотят подвергаться самоограничениям, изоляции, физической боли и жестокому повседневному аскетизму, чего требует до сих пор наследование власти. Многие уходят из таких школ (или их исключают), идут на самоубийство или просто выбирают другие, менее строгие занятия.
17. "Мы считаем, что социология не полностью достигла своих целей, пока она не проникла в самые глубины мозга (*le for interieur*) индивидов, чтобы связать институты, которые она пытается объяснить, с их психологическими состояниями" - *Durkheim E.* Sociologie religieuse et theorie de la connais-sance // *Revue de metaphysique et de morale*. 1909. V. 17. P. 755.
18. Подробное обсуждение двусторонних связей габитуса и поля см.: *Bourdieu P., Wacquant L.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: The University of Chicago Press; Cambridge: Polity Press, 1992). P. 12 - 19, 97 - 140.
19. Здесь Бурдьё согласен с покойным Филипом Абрамсом, который подчеркнул (*Notes on the Difficulty of Studying the State* // *Journal of Historical Sociology*. 1988. V. 1. N 1. P. 58 - 89), что одна из главных трудностей социологии государства - его особая способность засекречивать свою власть.
20. *Bourdieu P.* Rethinking the State: On the Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // *Sociological Theory*. 1994. V. 12. N 1. P. 1 - 19. Более того, можно утверждать, что государству нужно было много символической власти, если оно хотело когда-либо добиться легитимации использования силы.
21. *Durkheim E.* Definition de l'Etat // *Lecons de sociologie*. P.: Presses Universitaires de France, 1950.
22. *Burke K.* Attitudes Towards History. Berkeley: The University of California Press, 1984 (первое издание 1937 г.).
23. *Bourdieu P.* The Scholastic Point of View // *Cultural Anthropology*. 1990. V. 5. November, pp. 380 - 391; и *его же*. Raisons pratiques. Sur la theorie de Taction. P. : Editions du Seuil, 1994 (раздел: Un acte desinteresse est-il possible?) особ. pp. 161 - 167. См. две стимулирующих интерпретации предложенного Бурдьё "третьего пути" между рационализмом модерна и релятивизмом постмодерна: *Calhoun C.* Habitus, Field, and Capital: Historical Specificity in the Theory of Practice // *Его же*. Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference. Oxford: Basil Blackwel, 1995. P. 132 - 61; и *Harrison P.R.* Bourdieu and the Possibility of a Postmodern Sociology // *Thesis Eleven*. 1993. V. 35. P. 36 - 50.

Перевод Н. В. РОМАНОВСКОГО